

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.Н. Климова

Томский государственный университет

Апулей – Кузмин – Бахтин: Метаморфозы сюжета, героя, судьбы

Аннотация: Статья посвящена роману Апулея «Метаморфозы», ставшему первым опытом изображения радикального изменения человеческой души в европейских литературах. Идейное содержание романа рассматривается в контексте культурных традиций его эпохи и в восприятии читателей последующих веков. Особое место уделено взглядам М.М. Бахтина на место этого произведения в эволюции европейского романа.

This work is devoted to Apuleius' «Metamorphoses». The novel was a first attempt of picture of a radical change of a human soul in the European literature. The ideological content of the novel is considered in the context of the cultural traditions of his times and in the readers' perception of the following centuries. Special attention is paid to views of M.M. Bakhtin on the place of this work in the evolution of the European novel.

Ключевые слова: античная литература, античный роман, раннехристианская литература, христианская этика, агиография, история романа.

Ancient literature, ancient novel, Epichristian literature, Christian ethics, hagiography, history of a novel.

УДК: 821.24'02-31.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 34а. НБ ТГУ. E-mail: Klimova@lib.tsu.ru.

Одним из архетипических мифов русского сознания, вросшим в самую толщу отечественной культуры и многократно отразившимся в произведениях русских писателей, является миф о нравственном возрождении великого грешника. Ю.М. Лотман первым описал этот историко-культурный феномен в числе глубинных мифологических моделей, актуализированных русской классической литературой [Лотман, 1987]. В основе этой модели, по его мнению, лежит архаико-мифологическая сюжетная схема «смерть – схождение в ад – воскресение». Идеологической основой бытования модели на русской почве исследователь считал не столько христианскую этическую доктрину, сколько ее легендарно-апокрифический извод, отдающий великому грешнику предпочтение перед праведником (эту мысль Ю.М. Лотман развил в одной из своих последних, посмертно опубликованных статей [Лотман, 1994]).

Действительно, в ветхозаветной Книге пророка Ионы, первом произведении мировой литературы, утверждающем идею всеисильности покаяния [Климова, 2010], с легкостью обнаруживается описанная Ю.М. Лотманом трехчастная сюжетная схема. Однако, на наш взгляд, он явно преувеличивал значение этой архаичной основы для бытования рассматриваемой им модели на русской почве, почти игнорируя при этом тот важный этап истории феномена, когда древняя мифологическая схема стала краеугольным камнем христианской этической доктрины.

Согласно Ветхому Завету, люди смертны в наказание за грехопадение их прародителей. Поэтому добровольная гибель на Голгофе и Воскресение Христа, открывшего тем самым путь в Жизнь Вечную всему грешному человечеству, в христианской теологии трактуется как вселенская победа над смертью. (Соответственно этому, трехдневное пребывание пророка Ионы в чреве кита было объявлено ветхозаветным прообразом схождения в ад Богочеловека.) Этика христианства утверждала превосходство Благодати над Законом, а милосердия над справедливостью, давая надежду на спасение даже самому отверженному и грешному из людей, и это немало способствовало распространению нового религиозного учения. В христианской агиографии появляется даже особый тип святого – бывший великий грешник, поднявшийся к вершинам христианского идеала из бездны нравственного падения.

Научное освещение этого принципиально важного в истории явления момента было обнаружено нами в работе М.М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике». Основная часть труда была написана в 1937–1938 гг. в процессе работы Бахтина над книгой об истории европейского романа воспитания. Из-за начала войны книга так и не увидела свет, а рукопись ее была утеряна. К оставшимся от нее материалам автор вернулся незадолго до своей кончины (вышли они уже после его смерти [Бахтин, 1975]). Работа М.М. Бахтина посвящена, казалось бы, вопросу от нашей темы далекому, – формам художественного времени в различных типах античного романа, явившегося первым опытом романа европейского. Однако в разделе, посвященном авантюрно-бытовому типу античного романа [Бахтин, 2000, с. 38–57], исследователь выделил несколько чрезвычайно важных для нас моментов.

Первый из них связан с рассмотрением эволюции идеи метаморфозы (превращения) в античной культуре. Идея превращения, связанная диалектическим единством с идеей тождества, на протяжении веков проявляла себя в различных философских системах, мистериальных культах и фольклоре. Но в литературе эллинистической эпохи ее художественное воплощение было сведено к локальным изображениям физических превращений отдельных людей, судьба которых уже не была вовлечена в единый круговорот мировых превращений (в качестве примера М.М. Бахтин называл «Метаморфозы» Овидия¹). Сам термин «метаморфоза» появляется именно в эпоху поздней античности, обычно понимаясь при этом как физическое превращение человека в животное, растение и т. п. Яркие примеры таких превращений демонстрируют судьбы героев античных мифов о наказании *hybris* (этим словом обозначалось трудно переводимое понятие, сочетающее в себе идеи дерзости и высокомерия). Не теряя сюжетной неповторимости, мифы о «дерзких» были организованы по единой схеме: герой, изначально отмеченный благоволением богов, в ослеплении гордыни преступает дозволенные границы и жестоко карается за это. «Дерзкие» обрекаются на вечные муки в загробном мире (Иксион, Сизиф, Тантал и др.) либо претерпевают физическое превращение, усугубленное сохранением человеческого сознания (Актеон, Арахна, Ниобея и прочие): [Словарь-указатель, 2008, с. 259–278]. Важная черта античной метаморфозы состоит в том, что физические изменения человека никоим образом не затрагивали его личности, ибо представление о неизменности человеческой природы было основополагающим принципом античной антропологии. Показательно, что первые критики христианства (например, Лукиан) считали веским аргументом против новой религии греховное прошлое примкнувших к ней людей.

¹ Ю.К. Щеглов в своем ярком описании художественного мира овидиевых «Метаморфоз» отмечал, что в этой «поэме-витрине» «классический мир и менталитет как бы разъят и собран заново ... в беспрецедентном формате эклектического обозрения, раскладывающего пасьянс мифологических эпизодов методом свободных ассоциаций» [Щеглов, 2002, с. 11].

Они не понимали, что обличаемая ими «зловредная секта» неуязвима для подобных обвинений, ибо Благая Весть Иисуса состояла именно в утверждении возможности радикального изменения греховной природы человека¹.

Авторское название произведения Апулея, рассмотренного М.М. Бахтиным в качестве образца авантюрно-бытового античного романа, совпадает с заглавием поэмы Овидия – «Метаморфозы» (второе, восхищенно-оценочное заглавие «Золотой осел» роман получил от читателей последующих веков). На первый взгляд, начало истории сластолюбивого и не в меру любопытного юноши Луция развивается по общей схеме сюжетов о наказании *hybris*: за легкомысленную попытку проникнуть в запретные тайны магии он превращен в осла, сохранив человеческое сознание и чувства. Эти мифологические ассоциации подчеркнуты и в самом романе: в доме «тетушки Биррены», предостерегавшей Луция от легкомысленного тяготения к запретным тайнам, он видит скульптурное изображение грозной Дианы и Актеона, уже наполовину превращенного в оленя. Впрочем, в отличие от подавляющего большинства мифологических героев, претерпевших метаморфозу (исключения – судьба нимфы Ио, а также описанные Гомером злоключения спутников Одиссея во владениях волшебницы Кирки), Луцию удастся вернуться в прежнее состояние, но лишь перенеся множество бедствий и опасных приключений.

Сюжет о временном превращении человека в осла (его латинское название – «*Asinaria*») был обработан в античности не только Апулеем. Известно, что в современной этому писателю литературе (II в. н.э.) этот сюжет нашел свое художественное воплощение еще дважды. Первая обработка, «Метаморфозы Луция Патрского», не сохранилась. Наше знание об этом тексте опирается только на отзыв одного из его читателей, патриарха Фотия. Вдумчивый читатель оставил развернутое сравнение этого произведения с другой греческой обработкой того же сюжета, повестью «Луций, или Осел» [Левинская, 2008, с. 138]. До наших дней эта повесть дошла в составе корпуса сочинений Лукиана и, действительно, несет на себе печать неповторимого лукиановского стиля, но отличается при этом многочисленными лакунами и сюжетными несообразностями, указывающими на явную вторичность этого текста. Несомненное сюжетное и текстологическое сходство римского романа и греческой повести стало причиной многовекового спора филологов-классиков о взаимоотношениях между тремя античными обработками «ослиного сюжета» и об авторстве обоих греческих текстов. Очередная, на наш взгляд, достаточно убедительная, попытка ответить на эти вопросы была недавно предпринята О.Л. Левинской [Левинская, 2008, с. 138–152].

Но вне зависимости от ответа на перечисленные вопросы остается несомненным, что именно с Апулеем связан мистический «извод» этого, казалось бы, легкого по самой своей природе сюжета. Возвращение героя романа «Метаморфозы» в человеческое обличие из животного состояния становится возможным благодаря покровительству богини Исиды, к которой он воззвал в момент душевного кризиса, после чего он резко изменил свою жизнь, посвятив ее служению спасшей его богине. Таким образом, мы обнаруживаем здесь первый опыт изображения не только физической метаморфозы, но и радикального изменения человеческой души. Известно, что сам Апулей в конце жизни стал жрецом Исиды, и это позволяло читателям последующих веков (в их числе Блаженному Августину), взиравшим на автора романа со смешанным чувством восхищения и северного страха, увидеть в его ироничном повествовании рассказ о собственной судьбе. Любопытно,

¹ Отметим, впрочем, что наиболее отзывчивым к идеям «этической революции», совершенной Христом, из евангелистов оказался как раз грек Лука. Утверждение безграничности Божьего милосердия к грешному человечеству – одна из магистральных идей его версии Благой Вести, сохранившей наиболее яркие образцы Иисусовых притч на эту тему, например, знаменитую притчу о блудном сыне.

что в качестве личного имени (преномена) Апулея иногда указывается имя Луций, авторитетными источниками по античной литературе не подтверждаемое, но устойчиво связанное с «ослиным сюжетом» и явно несущее смысловую нагрузку, ибо его значение соотносится с темой духовного просветления. Для О.Л. Левинской использование латинского по происхождению имени в греческих обработках «ослиного сюжета», где мотив душевной метаморфозы, столь важный для римского автора, отсутствует, служит веским аргументом в пользу ее гипотезы о первичности романа Апулея по отношению к другим текстам этой группы.

Не обладая простодушной доверчивостью средневековых читателей апулеева романа, веривших, что сам его автор в реальности пережил «ослиную метаморфозу», мы, тем не менее, склонны согласиться с тезисом об автобиографичности «Золотого осла». В пользу этого говорят не только некоторые черты, которые герой-рассказчик неожиданно приобретает к концу своего повествования: юный повеса, «древней колыбелью» была аттическая Греция, Луций, подобно своему автору, оказывается в заключительной книге «Метаморфоз» уроженцем африканского города Мадавра и профессиональным, адвокатом. На наш взгляд, неподдельный пафос нравственного преображения в финале романа, не имеющий, как иногда отмечали ученые, аналогов во всей античной литературе, также порожден личным опытом автора «Метаморфоз». Некоторые исследователи [Грабарь-Пассек, 1956], сомневавшиеся в органичности мистического итога фrivольных приключений юноши-осла, находили привкус самоиронии в завершающем роман автопортрете Луция-жреца. Былой щеголь, столь высоко ценивший красоту волос, в знак своего посвящения обрил голову и ныне шествует во главе религиозной процессии, «ничем не покрывая своей плешивости, радостно смотря в лица встречающих» [Апулей, 1988, с. 302]. На наш взгляд, этот контраст лишь подчеркивает разительность происшедших с героем перемен, а ключевое слово в этом описании – «радостно». Вспомним: странствия в ослином облике обнажили перед Луцием изнанку человеческих душ, отданных во власть темных страстей, доведя его до отчаяния и мыслей о самоубийстве. Ныне же, возвращенный покровительством Исиды в человеческое состояние, очищенный ею от былых грехов и освобожденный постом и молитвами от власти губительных страстей, он снова обретает способность к радостному восприятию мира. Высокий смысл перенесенных героем испытаний специально подчеркивается в торжественной речи жреца, посвящающего Луция в служители Исиды. Как и некоторые другие персонажи романа, этот жрец наделен «говорящим» именем Азиний (от латинского «asinus» – «осел»), что намекает на некогда пережитую и им самим «метаморфозу», высветив тем самым в истории легкомысленного юнца духовную парадигму человеческого существования.

Легкий, на первый взгляд, роман Апулея с изящной непринужденностью вместил в себя многообразие, языковое и смысловое богатство всей античной культуры – от архаичных мифов о наказании *hybris* и гомеровской «Одиссеи» до римской комедии и философских построений Платона. Например, фrivольная история о похождениях юноши-осла в изложении Апулея может быть прочитана и как художественная иллюстрация платоновских учений о судьбе, земной и небесной Венерах и тройственной природе человеческой души [Григорьева, 1988, с. 5–24]. Удивительным образом переработал Апулей и фольклорную волшебную сказку (кстати, это первый случай в истории европейских литератур). Всемирно известный сюжет (точнее, группа сюжетов) об обретении девушкой чудесного супруга, разлуке с ним и новом воссоединении, на русской почве наиболее известный в версиях «Аленький цветочек» (АТ № 425С) и «Финист ясный сокол» (АТ № 432) стал у Апулея чудесной историей Амура и Психеи. Наиболее пространная из вставных новелл романа, эта история образует его композиционный и смысловой центр, обрамленный контрастирующими примерами людской порочности, увиденными глазами человека-осла. На мгновение забыв о своем жал-

ком животном состоянии, Луций даже жалеет об отсутствии у него табличек и палочки, чтобы записать «прекрасную повесть», хотя звучит она в самой, казалось бы, неподходящей и низменной обстановке. Мудрый рассказ о мытарствах души-Психеи вложен в уста «выжившей из ума пьяной старушонки», которая в разбойничьей пещере развлекает им пленную девушку. Этот рассказ вселяет надежду на спасение в души обоих пленников, предпринимающих после этого попытку побега. Кроме того, история Психеи, как и Луций пострадавшей из-за своего любопытства, в образной форме предвещает и его грядущее благотворное преображение.

Возможность аллегорического истолкования истории царевны Психеи в христианском духе (обретение Бога грешной человеческой душой) значительной мере способствовала популярности романа Апулея в средние века. При этом сам автор «Золотого осла» мог казаться читателям последующих веков то великим магом, едва ли не самим Антихристом, то провозвестником христианства. Разумеется, Апулей не был христианином. Этот неофит исидического культа был крайне нетерпим к приверженцам других религий, что нашло свое отражение в его «Метаморфозах», где критически изображаются и жрецы «сирийской богини», и, вероятно, одна из раннехристианских общин. Н. Григорьева даже считает, что многозначность символики осла в эпоху эллинизма позволяет, помимо прочего, увидеть в романе Апулея предостережение против крепнущего среди его современников увлечения христианством (противники новой религии утверждали, что христиане поклоняются «ослиному богу») [Григорьева, 1988, с. 23]. Нам такое предположение кажется несколько надуманным, в то время как более простая разгадка «ослиной метафоры», кстати, упоминаемая самой Н. Григорьевой, содержится в мифологической «биографии» богини Исиды – осел был одним из животных, посвященных извечному врагу Осириса и Исиды, мрачному Сету [Рубинштейн, 1994, с. 429]. (Осел в качестве персонажа мифологии и культуры Египта, Месопотамии и Греции детально рассмотрен О.Л. Левинской, этой теме посвящена значительная часть ее монографии [Левинская, 2008].) В то же самое время автору «Метаморфоз» удалось не только создать яркую картину общего падения нравов в эллинистическом обществе (от лицемерия которого даже ослу захотелось утопиться), но и с большой художественной силой выразить духовные чаяния своей эпохи, ту жажду преображения, ответом на которые и являлась Благая Весть Иисуса. Интересно, что недавно проанализированный случай прямого влияния романа Апулея на творчество Ф.М. Достоевского проявляет себя в сложном взаимодействии античных мотивов и христианской идеи [Щетинин, 2009].

Читательское восприятие романа Апулея претерпело на протяжении веков немало метаморфоз, завершившись в Новое время уходом «ослиного сюжета» в детскую литературу. Его использовал, например, Карло Коллоди в своей знаменитой сказке «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» (1880), густо насыщенной при этом христианскими аллюзиями. На русской почве в двадцатом столетии роман Апулея обрел свое конгениальное воплощение в знаменитом переводе М.А. Кузмина [Апулей, 1929]. Успех переводчика был связан не только с его неизменным интересом к культуре эллинистической эпохи и глубокими познаниями в соответствующих областях (любовь М.А. Кузмина к этому ушедшему миру отразили его поразившие современников «Александрийские песни»). Интимно близок переводчику оказался и сам пафос духовного возрождения в завершающей книге романа. Показательно, что при переизданиях этого перевода именно мистический финал подвергался неоднократному сокращению. В эмоциональном настрое перевода нам чудятся личные переживания самого переводчика. Ведь несомненная греховность частной жизни Кузмина-человека уживалась в его душе с сохранением почти детской веры в бесконечное милосердие Создателя, и это обстоятельство не раз дарило мгновения высочайших духовных прозрений Кузмину-поэту:

Но в сумрачном бездорожье
Утешься: сквозь страстный плен
Увидишь: мы дети Божьи
У теплых родных колен
[Кузмин, 2000, с. 312].

Но вернемся к работе М.М. Бахтина. На первый взгляд, в своем анализе «Метаморфоз» (кстати, опирающемся на перевод М.А. Кузмина) М.М. Бахтин подчеркнуто равнодушен к их мистическому финалу (этот эпизод, по его утверждению, к теме исследования отношения не имеет). Однако при рассмотрении особенностей авантюрного времени в «Метаморфозах» ученому удается донести до читателя крамольную для времени написания его работы и чрезвычайно важную для нас мысль, состоящую в следующем. Логика случая, казалось бы, господствующая в судьбе Луция, на деле подчинена в «Метаморфозах» «иной, объемлющей ее высшей логике». Эта логика, что специально было подчеркнуто в речи Азиния, ведет героя от его первоначальной *вины* чрез *испытания* к *искуплению* и достижению *блаженства*. Таким образом, утверждается основополагающая роль в структуре романа и судьбе героя не названного вслух Божественного Провидения. Не удивительно поэтому, что в качестве других примеров подобной организации художественного времени М.М. Бахтин называет раннехристианские «кризисные жития», герои которых, как и Луций, переживают душевную метаморфозу. Точного определения кризисных житий в работе не дается, не названы в ней и конкретные агиографические тексты, к ним относящиеся, однако бахтинское название явления прижилось [Силантьев, 1996]. Специальное изучение агиографических материалов [Климова, 2009] показало, что реальных житийных текстов, в которых душевный кризис героя играл бы сюжетобразующую роль, среди духовных биографий «грешных святых» немного, а появление первых текстов такого рода отделено от времени Апулея несколькими столетиями. Однако связи и закономерности процесса М.М. Бахтин уловил очень точно.

В завершение разговора о вкладе М.М. Бахтина в изучение интересующей нас проблемы отметим, что описанная им эволюция идеи метаморфозы на этом не завершилась, а пережила стадию «второго отрицания», но уже вне временных пределов античности. В русской классической литературе духовная метаморфоза отдельной личности теряет свою обособленность, ибо залогом личного спасения человека отечественная словесность провозглашает самоотверженное служение индивида людскому сообществу.

Литература

- Апулей Люций. Золотой осел (Превращения). В 11-ти книгах / Пер. М. Кузмина. Л., 1929.
- Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения. М., 1988.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975.
- Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000.
- Грабарь-Пассек М.Е. Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1956.
- Григорьева Н. Магическое зеркало Апулея // Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения. М., 1988.
- Климова М.Н. Жития «грешных святых» в русском месяцеслове (краткий обзор) // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009.

- Климова М.Н. Некоторые отражения библейской Книги Ионы в русской литературе // Вестник Томск. гос. педагог. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2010. Вып. 8 (98).
- Кузмин М.А. Стихотворения. СПб., 2000.
- Левинская О.Л. Античная Asinaria: история одного сюжета. М., 2008.
- Лотман Ю.М. О сюжетном пространстве русского романа // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 746.
- Лотман Ю.М. Между свободой и волей: Судьба Феди Протасова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I. (Новая серия). Тарту, 1994.
- Рубинштейн Р.Я. Сет // Мифы народов мира: Энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 429.
- Силантьев И.В. Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. Новосибирск, 1996.
- Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. Новосибирск, 2008. Вып. 3. Ч. 1.
- Щеглов Ю. Опыт о «Метаморфозах». М., 2002.
- Щетинин Р.Б. Диалог античной и христианской традиций в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.